

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 62—72.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 62—72.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"17"-141

DOI: 10.46726/И.2022.3.7

«ОН БОГ, ОН БОГ ТВОЙ БЫЛ, РОССИЯ»: ОБРАЗ ПЕТРА I В ОДАХ М.В. ЛОМОНОСОВА

Любовь Алексеевна Юрчук

Псковский государственный университет, г. Псков, Россия, lk2185@rambler.ru

Аннотация. В формировании мифа о Петре I, сложившегося в русской литературе, творчество Ломоносова сыграло определяющую роль. В статье рассматривается образ Петра I в одах поэта. Автор выявляет словесно-понятийные лейтмотивы, формирующие данный образ, который воплощает центральную для поэта идею просвещенного монарха. Утверждается, что в торжественных одах Ломоносова создается героический отвлеченно-идеальный образ императора Петра I, доминирующим в разработке которого является мотив преемственности власти, в большинстве од сопряженный с мотивом мудрости политика. Не посвятив Петру ни одной своей оды, Ломоносов создает его образ почти в каждой из них, настойчиво разясняя российским императорам необходимость продолжать дело Петра на благо Отечества. Частотны в одах Ломоносова мотивы вечной жизни Петра как посланника неба и вершителя божественной воли, сопряженные с мотивами бессмертия Петра, его вечной жизни, вовлекающие в одические тексты пространственную образность «космического» масштаба и обуславливающие отсутствие установки на портретирование. К числу базовых с точки зрения формирования образа также относится мотив совершенства царем воинских подвигов.

Ключевые слова: торжественная ода, образ, образ Петра I, словесно-понятийные лейтмотивы, лейтмотив преемственности

Для цитирования: Юрчук Л.А. «Он бог, он бог твой был, Россия»: Образ Петра I в одах М.В. Ломоносова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 62—72.

Original article

“HE WAS GOD, HE WAS YOUR GOD, RUSSIA”: THE IMAGE OF PETER I IN THE ODES OF M.V. LOMONOSOV

Lubov A. Yurchuk

Pskov State University, Russian Federation, lk2185@rambler.ru

Abstract. Lomonosov’s work played a decisive role in shaping the myth of Peter I, which developed in Russian literature. The article deals with the image of Peter I in the poet’s odes. The author reveals the verbal-conceptual leitmotifs that form this image, which embodies the idea of an enlightened monarch. It is argued that in the solemn odes of Lomonosov, a heroic abstract-ideal image of Emperor Peter I is created. In its development, the dominant motive is the continuity of power, which in most odes is associated with the image of Peter I as a wise politician. Lomonosov did not dedicate any of his odes to Peter, but created his image in almost every ode, persistently explaining to the Russian emperors the need to continue the work of Peter for the good of the Fatherland. Frequent in Lomonosov’s odes are the motives of Peter’s eternal life as a messenger of heaven and the arbiter of divine will, coupled with the motives of Peter’s immortality, his eternal life. These motifs involve in the odic texts the spatial figurativeness of the “cosmic” scale and cause the absence of portrait details and concretization. Among the basic motives is also the motive of the king’s military exploits.

Keywords: solemn ode, image, image of Peter I, verbal-conceptual leitmotifs, leitmotif of continuity

For citation: Yurchuk L.A. “He was god, he was your god, Russia”: The image of Peter I in the odes of M.V. Lomonosov, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 62—72.

Из всех русских царей Петр I является наиболее популярным героем новой русской литературы, отсчет которой принято вести с петровского времени. В светском ораторском слове Феофана Прокоповича, «Элегии о смерти Петра Великого» Третьяковского, близких поэтике панегирического стихотворства, в одах и надписях Ломоносова и Сумарокова, в набросках героических поэм Кантемира и Ломоносова формировался тот канон изображения Петра в литературе, который, пережив своих создателей, стал устойчивым в литературе XVIII века способом художественного воплощения идеи просвещенного монарха — великого реформатора, насаждавшего в России науку, работника на троне, основателя новой столицы, победителя на море и на суше. В формировании мифа о Петре, начавшемся еще при его жизни, литература сыграла едва ли не ведущую роль. При этом научные труды об отображении личности Петра I в литературе XVIII века немногочисленны. В основном это работы обзорного или обобщающего характера. Так, один из параграфов диссертации Крыстевой Денки Недевой «Тема Петра I в творчестве А.С. Пушкина» посвящен эволюции оценок Петра I в массовой литературе XVIII в. [Крыстева]; политическая идеология Петра I стала предметом изучения в диссертации С. А. Мезина «Петр I в русской литературе и общественной мысли XVIII века» [Мезин]; в 1987 г. в составе сборника «Ломоносов и русская литература» (М., 1987) вышла в свет статья В.П. Гребенюка «Петр I в творчестве М.В. Ломоносова, его современников, предшественников и последователей», в которой дается общая оценка поэтического осмысления образа Петра I в русской литературе без анализа художественных произведений.

На этом фоне выделяется лишь вступительная статья Ю.В. Стенника к изданной им антологии «Петр I в русской литературе XVIII века (Тексты и комментарии)» (СПб., 2006), в которой ставится задача выявления эволюции в осмыслении и оценке Петра I в творчестве писателей XVIII века и утверждается, что вокруг личности Петра уже в XVIII веке сложилась «особая атмосфера возвеличения, граничащая с обожествлением. <...> Обостренное внимание к его любому поступку превращало действия царя в легенды, приобретавшие черты мифа, и в самой личности Петра I эстетическая ипостась начинала играть едва ли не определяющую роль», в связи с чем можно говорить о «феномене мифологизации исторической личности» [Стенник: 5, 6]. Материалы, включенные Ю. В. Стенником в антологию, позволяют представить литературный портрет Петра I, каким он отобразился в поэзии и прозе XVIII столетия, и увидеть, что из совокупности литературных оценок возникает многогранный и нередко противоречивый образ великого преобразователя России.

Предметом настоящей работы является образ Петра I в одах М.В. Ломоносова. Данный аспект темы не привлекал отдельного внимания ученых, хотя очевидно, что именно в творчестве Ломоносова образ царя-реформатора обрел те черты демиурга, создающего новое бытие из хаоса, которые стали базовыми для дальнейшей эволюции этого образа в русской литературе. Обращение к данной теме, актуальное в год 350-летия со дня рождения великого русского императора, нацелено на выявление словесно-понятийных лейтмотивов, из которых в поэзии Ломоносова формируется образ Петра I, ставший одним из наиболее востребованных в творчестве поэтов более позднего времени.

В год смерти Петра I Ломоносову было всего четырнадцать лет, и он еще жил в далеком поморском селе. Само выдвижение Ломоносова из крестьянской среды в число первых русских ученых и поэтов стало возможно только в русле преобразовательной деятельности Петра, равно как и реформаторский характер и исследовательский масштаб трудов Ломоносова оказались следствием формирования его как личности в атмосфере петровских реформ. Неслучайно К.Н. Батюшков уподоблял Ломоносова Петру: «Он то же учинил на трудном поприще словесности, что Петр Великий на поприще гражданском. Петр Великий пробудил народ, усыпленный в оковах невежества; он создал для него законы, силу военную и славу; Ломоносов пробудил язык усыпленного народа; он создал ему красноречие и стихотворство, он испытал его силу во всех родах и приготовил для грядущих талантов верные орудия к успехам» [Батюшков: 31]. Через несколько лет ту же мысль повторил В.Г. Белинский: «с Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим» [Белинский: 42].

В соответствии с предложенной Ю.В. Стенником периодизацией, творчество М.В. Ломоносова относится ко второму из этапов в истории осмысления образа Петра I в русской литературе XVIII века, а именно к этапу, на котором создавалась панегирическая светская поэтическая традиция — произведения, которые были «призваны раскрывать эстетически личность Петра I в аспекте утверждения идеалов просвещенного абсолютизма» [Стенник: 7]. Данный этап совпадает с периодом утверждения в русской литературе художественной системы классицизма и одного из его ведущих жанров — оды — «своеобразной трибуны, которую поэт стремится использовать с целью направить деятельность монархии по пути, означенному Петром I»

[Стенник: 22]. Именно в жанре оды в творчестве Ломоносова и получил оформление образ Петра.

В одах Ломоносова созданы образы многих исторических деятелей и просто выдающихся людей разных эпох. Это и Дмитрий Донской, боровшийся за укрепление политической самостоятельности и военной мощи русского государства; это и Иван IV Грозный, упомянутый в «Оде ... на взятие Хотина 1739 года»; это и императрицы Анна Иоанновна, и Елизавета Петровна, и Екатерина Алексеевна. Петру I Ломоносов не посвятил ни одной своей оды, однако образ Петра присутствует почти в каждой из них, будь то ода на день восшествия на престол или ода на день рождения. Поэт не упускал ни одного повода возвеличить Петра, объявив его «богом России», постоянно настойчиво внушая и разъясняя российским императорам необходимость продолжать политику Петра, деятельность которого на благо Отечества Ломоносов ставит в пример всякому новому самодержцу.

Обобщенное представление о Петре I в торжественных одах Ломоносова формируется из ряда словесно-понятийных лейтмотивов — понятий, выражающих идеальные свойства монарха и дающих формулы необходимого государственного устройства. Такие лейтмотивы присутствуют в каждой оде и связываются с центральной для Ломоносова идеей просвещенного монарха.

Один из ведущих лейтмотивов од Ломоносова — *лейтмотив преемственности*. Петр I сопоставляется с другими русскими царями, правопреемником которых он выступает. Одновременно его потомки выступают преемниками его дела в разных аспектах.

В «Оде на прибытие из Гостинии ...» 1742 года смерть Петра, по мысли поэта, вызывает скорбь у всего русского народа. И все же есть повод для радости: из Голстинии приезжает преемник Петра, в жилах которого течет «дражайшая Петрова кровь» [Ломоносов: 82] — 14-летний племянник Елизаветы Петровны Карл Петр Ульрих, внук Петра I, имевший право на российский престол и при переходе в православие получивший имя Петра:

Красуются Петровы стены,
Что к ним его приходит внук,
Прекрасной Анной днесь рожденный.
В сие благоприятно время,
Когда всещедрый наш творец
Восставил нам Петрово племя
И нашей скорби дал конец... [Ломоносов: 81]

После периода политической нестабильности внук Петра должен вернуть России былую славу: «И радость паки обновилась: / Ты зришь Великого Петра, / Как феникса воскресша ныне / <...> Кому возможно описать / Твои доброты все подробну? / Как разве только указать / В Петре природу в том подобну?» [Ломоносов: 82, 83]. Петр III, по Ломоносову, может быть прославлен только в сопоставлении с Петром Великим, имя которого останется в истории на века.

В «Оде на прибытие императрицы ... 1742 года по коронации» впервые появляется перифраз «дщерь Петрова», который поэт впоследствии будет использовать в каждой оде, посвященной императрице Елизавете Петровне: «Мы славу дщери зрим Петровой» [Ломоносов: 85]. Как известно, первые годы царствования Елизаветы прошли под лозунгом воскрешения имени и дела

Петра. В этом контексте наиболее высокая похвала ее дел — та, которая звучит в оде из уст самого Петра:

«Исполнен я веселья ныне,
 Что вновь дела мои растут <...>
 Блажен тот год, тот день и час,
 Когда господь ущедрил нас,
 Подав ее нам на утеху
 И всех трудов моих к успеху» [Ломоносов: 93]

«Воспоминанием о том, каким опасностям подвергались “дела Петровы”, и как хорошо стало русским людям, когда “на трон взошла Петрова дочь”. <...> Как будто бы вернулся великий Петр в лице своей дочери, дивно сочетающей мужество и красоту” [Западов 1961b: 73], является также «Ода на день восшествия на престол ... 1746 года», в которой ни слова не сказано о деятельности самой Елизаветы: «дочь Петрова» находится в тени своего великого отца. Цель ее жизни состоит в том, чтобы продолжить начатое Петром. Так выражен в оде мотив преемственности: «Конец увидим оных дел: / Что ради нашего блаженства / На верьх поставить совершенства / Входящий в небо Петр велел» [Ломоносов: 110].

В «Оде на день восшествия на престол ... 1747 года» Елизавета Петровна «Щедроты отчи превышает, / Довольство муз усугубляет / И к счастью отверзает дверь» [Ломоносов: 118]. В «Оде на день восшествия на престол ... 1748 года» поэт вновь подчеркивает, что Елизавета явилась «на российском троне», «Петров в себе имея дух», «в отеческой короне», приняв которую, она взяла на себя обязательство продолжить начатое Петром I: «Мы видим, что в тебе единой / Великий Петр с Екатериной / К блаженству нашему живет» [Ломоносов: 125]. И далее, словно забыв о своем предмете, Ломоносов начинает славить Петра: «Сквозь степь и блата Петр прошел, / В средину Азии достигнул, / Свои знамена там воздвигнул, / Где день скрывали тучи стрел» [Ломоносов: 125].

«Нередко, взявшись восхвалять очередного представителя царской фамилии, Ломоносов отступал от задания и пел гимны в честь Петра I», — замечает И.П. Щеблыкин [Щеблыкин: 46]. Подобная же подмена предмета имеет место в «Оде на день брачного сочетания великого князя Петра Феодоровича и великия княгини Екатерины Алексеевны 1745 года». Получающая в ней развитие любовная тема — лишь повод для того, чтобы выразить надежды на просвещение страны трудами «Петрова племени»:

О ветвь от корене Петрова! <...>
 От вас Россия ожидает
 Счастливых и спокойных лет,
 На вас по всякой час взирает
 Как на всходящий дневный свет. <...>
 Как бог продлит чрез вечно время
 Дражайшее Петрово племя,
 Счастлива жизнь и наших чад;
 Не будет страшныя премены,
 И от российских храбрых рук
 Рассыплются противных стены
 И сильных изнеможет лук. [Ломоносов: 103, 104]

Ломоносов уверен, что новый брачный союз принесет спокойствие в страну, поскольку в брак вступает внук Петра Великого («россов обновителя»), и обращается к Богу с просьбой благословить потомков Петра: «О Боже, крепкий Вседержитель! / Подай, чтоб россов обновитель / В потомках вечно жил своих / Воспомяни его заслуги / И преклонив небесны круги, / Благослови супругов сих» [Ломоносов: 104—105]. Божественная воля, по Ломоносову, состоит в том, чтобы Россией правил прямой потомок Петра I, величие которого проявится в его успехах в деле государственного строительства и заботе об интересах народа.

В «Оде на рождение великого князя ... 1754 года» поэт выражает радость по поводу успехов Российской империи, утверждения ее как государства. Петрополь, Москва и другие города, «воздвигнув к небу руки», «вещают» о том, что Петр будет жить в своих потомках (в том числе в новорожденном младенце Павле Петровиче), которые прославят Россию новыми победами:

Петра Великого потомки
 Даются в милости залог <...>
 Он паки ныне воскресает,
 Что в правнуче своем дышает
 И род в нем восставляет свой. <...>
 С великим прадедом сравнися,
 С желаньем нашим восходи
 Велики суть дела Петровы. [Ломоносов: 142, 143]

Обращаясь к маленькому Павлу, поэт формулирует цель его жизни: необходимо так жить и царствовать, чтобы стать подобным Петру.

Мотив преемственности власти сопряжен в названных одах с мотивом *вечной жизни*, бессмертия императора. В «Оде императору Петру Феодоровичу ... на новый 1762 год» он реализуется в аспекте нерушимости Российской державы в том случае, если новые монархи будут продолжать политику преобразований своего великого предка: «Без пресечения державы / Великий Петр вовеки жив» [Ломоносов: 163]. «Такие “дела”, как у российского царя, принесли ему долголетие большее, чем у Мафусаила, библейского праотца, чья жизнь оказалась необычайно долгой, — отмечает И.Б. Александра. — “Лета” Петра разбили рамки Времени и вошли в Вечность, пребывая в памяти потомков» [Александра: 184].

В ряде од Ломоносова мотив преемственности реализуется также в аспекте наследования Петром качеств лучших российских самодержцев. В таких одах мысленный взор поэта направлен в прошлое. В «Оде ... на взятие Хотина 1739 года», обращаясь к славной истории России, поэт сопоставляет Петра с Иваном Грозным. Оба царя представлены, прежде всего, в качестве политических деятелей. О завоеваниях Ивана Грозного сказано так: «Кто с ним толь грозно зрит на юг, / Одеян страшным громом вкруг? / Никак, Смиритель стран Казанских?» [Ломоносов: 64]. С произошедшим при Иване Грозном завоеванием Казанского и Астраханского ханств Ломоносов сопоставляет Азовские походы Петра 1695—1696 гг. и Персидский поход 1722—1723 гг. Оба царя получают характеристику по территориям, за которые вели войны. Не только в политической деятельности, но и в помыслах оказываются едины Петр I и Иван Грозный в трактовке Ломоносова. Их голоса сливаются в один, восхваляющий новую императрицу Анну Иоанновну, которой и посвящена ода:

Герою молвил тут Герой:
 «Не тщетно я с тобой трудился,
 Не тщетен подвиг мой и твой,
 Чтоб россов целый свет страшился.
 Чрез нас предел наш стал широк
 На север, запад и восток.
 На юге Анна торжествует,
 Покрыв своих победой сей» [Ломоносов: 65]

Вводится излюбленная Ломоносовым «формула протяжения России» (как определил этот смысловой комплекс Л.В. Пумпянский [Пумпянский: 22]) — страны, которую поэт неизменно изображает «пространной... державой», раскинувшейся во все стороны света. При этом утверждается, что «предел наш стал широк» посредством трудного «подвига» названных русских царей.

С мотивом преемственности в этой оде сопряжен *мотив мудрости* политика: страна не просто занимает огромное пространство, но и процветает благодаря мудрому руководству. В этом Петр I также является последователем политика Ивана IV Грозного: и тот и другой думали о статусе государства, прикладывали все силы к развитию страны. Личность царя-реформатора становится у Ломоносова не только предметом поклонения, но и эталоном истинной государственной мудрости и подлинной заботы об интересах народа.

Если в «Оде ... на взятие Хотина 1739 года» поэт мысленно перемещается на два века назад, то в «Оде всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице ... 1761 года» — почти на тысячелетие. В этой оде Петр I замыкает собой ряд своих славных предшественников, от каждого из которых он унаследовал лучшие качества: «Воззрим на древни времена; / Российска повесть тем полна, / Уже из тьмы на свет выходит, / За ней великих полк мужей...» [Ломоносов: 159]. «Древни времена» открывает эпоха княжения «бодрого воина» Святослава Игоревича, прославившегося в качестве полководца, и ему «геройством равного сына» Владимира Святославича — крестителя Руси. За ними следуют Владимир Мономах, снарядивший поход на принадлежавшие Византии дунайские земли, Александр Невский — «от Запада защитник» и «предтеча» Петра, Дмитрий Донской, Иван III и Иван IV, устранившие зависимость Москвы от татарских ханов, Алексей Михайлович, поставивший «границы дел своих» до Вислы: «Прошел бы далее; мало жил! / Но плод геройских дел оставил, / Какого сына он родил!» [Ломоносов: 160]. Включенное в названный ряд, имя Петра Великого светится еще более ярко, приобретает еще большее значение, поскольку Петр ни в чем не уступает своим предшественникам на русском троне, с которыми Петра связывает прежде всего *мотив воинских подвигов*:

Не сей ли при Донских струях
 Рассыпал вредны россам стены?
 И персы в жаждущих степях
 Не сим ли пали пораженны?
 Он так к своим взирал врагам,
 Как к готским приплывал брегам. [Ломоносов: 64]

Поэт вспоминает Азовский, Персидский поход, войну со шведами как отражение мощи, силы, мужества и непобедимости Героя. Внимание к таким деталям, как «горящее... лицо», «сильная десница», «быстрый конь», «умытый кровию меч», заставляют ожидать конкретизации портрета Петра, но ее

не происходит: облик царя колеблется между представлением о человеческих формах и абстрактном понятии идеального монарха, представленном в аллегорическом образе. На еще более высокий уровень абстрагирования описание Петра поднимается в «Оде на день восшествия на престол ... 1747 года»: «В полях кровавых Марс страшился, / Свой меч в Петровых зря руках...» [Ломоносов: 116] (Петр в этой оде — «Человек, / Каков неслыхан был от века», «сквозь все препятства» «вознес / Главу, победами венчанну» [Ломоносов: 116]), а также в «Оде на прибытие императрицы ... 1742 года по коронации»: «На запад смотрит грозным оком / Сквозь дверь небесну дух Петров, / Во гневе сильным и жестоком / Преступных он мятет врагов» [Ломоносов: 93].

Определение действий Петра глаголом «мятет» говорит о стремительности его движений, скорости и свободе перемещения в пространстве. В то же время определенных пространственных координат не дано: единственный географический признак окружающего Петра пространства — это направленность его взора на запад, однако где именно находится «дух Петров», что именно он видит, неизвестно. Знаки окружающего Петра пространства в одах Ломоносова появляются чрезвычайно редко. Петр помещен поэтом в безграничный мир, который лишь по видимости имеет некоторые географические или пейзажные признаки, по сути, являясь космосом.

Такое художественное решение сопряжено с введением в оды Ломоносова лейтмотива *божественной избранности* Петра — человека, явление которого призвано свидетельствовать о величии Творца: «Зиждитель мира искони / Своими положил судьбами / Себя прославить в наши дни; / Послал в Россию Человека, / Каков неслыхан был от века» [Ломоносов: 116].

В «Оде на день тезоименитства ... 1743 года» поэт вкладывает в уста Марса и Минервы слова: «Он бог, он бог твой был, Россия, / Он члены взял в тебе плотския, / Сошед к тебе от горьних мест; / Он ныне в вечности сияет...» [Ломоносов: 99]. В «Оде на день восшествия на престол ... 1747 года» «Россию, грубостью попанну», Петр «с собой возвысил до небес» [Ломоносов: 116]. Такую трактовку образа Ломоносов поясняет в «Слове похвальном блаженныя памяти государю императору Петру Великому» (1755): «Мыслям человеческим предел предписан! Божества постигнуть не могут! Обыкновенно представляют Его в человеческом виде, — пишет поэт. — Итак, ежели человека, Богу подобного по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великого не обретаю» [Петр Великий...: 104].

Уподобление Петра божеству не является у Ломоносова только риторической фигурой: оценка Ломоносовым исторических заслуг Петра также исполнена промыслительного начала. В «Оде всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице ... 1761 года» Бог, простирая десницу, поручает Петру: «Низвергни храбростью коварство, / Войсками укроти войны, / Одень оружием новым царство, / Полночны оживи страны» [Ломоносов: 161]. В «Оде ... на взятие Хотина 1739 года», открывающейся сценой битвы с иноземцами, «россы», которых «сам рок покрыть / Желает», одерживают победу, жертвуя своими жизнями во имя Отечества. И тут облаков на поле брани в качестве заступника русского воинства является Петр:

Что так теснит боязнь мой дух?
Хладнеют жилы, сердце ноет!
Что бьет за странной шум в мой слух?
Пустыня, лес и воздух воет!
В пещеру скрыл свирепство зверь,

Небесная отверзлась дверь,
 Над войском облак вдруг развился,
 Блеснул горящим вдруг лицом,
 Умытым кровию мечем
 Гоня врагов, Герой открылся. [Ломоносов: 64]

«В художественном изображении Ломоносова Петр I предстает существом высшего порядка, образ его грандиозен и принимает вид полубога», — замечает А.В. Западов [Западов 1961а: 12]. Явление Петра, который нисходит с небес, чтобы прогнать врагов российских, подобно грозе, приводящей природу в движение, заставляющей зверя замереть в своей норе. Именно участие в происходящем на земле небесных сил вовлекает в тексты од Ломоносова пространственные образы космического масштаба: «Не медь ли в чреве Этны ржет / И, с серою кипя, клокочет? / Не ад ли тяжки узы рвет / И челюсти разинуть хочет?» [Ломоносов: 62].

Соответственно этому, в одах отсутствует установка на портретирование. Казалось бы, создавая образ Петра I, Ломоносов мог попытаться нарисовать внешний портрет императора, описать его телесные, природные свойства. Но именно эти черты отсутствуют в одах: даются лишь некоторые «знаки» внешности («Блеснул горящим вдруг лицом», «смотрит грозным оком» [Ломоносов: 64, 93]), жесты («взирает», «вещает» и т. д.) и конкретных действий («Полки, законы, корабли / Сам строит, правит и предводит» [Ломоносов: 145]). Отсутствие пластического изображения особенно заметно в одах, в которых действует не «Петр», а «дух Петров»: подобная замена показывает, что для поэта важно не воплощение физического облика персонажа — исторического Петра, а отображение чистой безобразной мысли, идеи «Отца Отечества». Как историческое лицо Петр должен иметь некоторые свойства и признаки, но как одический персонаж он имеет лишь те свойства, которые соответствуют этой абстрактной идее.

Подводя итоги, можно сказать, что в торжественных одах Ломоносова создается героический отвлеченно-идеальный образ императора Петра I, который моделируется устойчивой системой лейтмотивов.

Наиболее частотным и разноаспектным в одах Ломоносова является мотив преемственности власти. Он разрабатывается в большинстве од Ломоносова, представляя собой некий «узел», к которому сходятся, подобно «нитям», другие лейтмотивы. Из оды в оду проходит мысль о том, что Петр I стал достойным преемником своих славных предков. В то же время он сам заложил фундамент будущего процветания страны, а поэтому он живет в каждом из своих потомков, его «дух» ободряет каждого нового русского царя, когда он принимает «отеческую корону» или осуществляет судьбоносные для страны деяния.

Мотив преемственности в большинстве од Ломоносова сопряжен с изображением Петра I как мудрого политика, поднявшего благосостояние страны, обеспечившего возможность ее выхода на новый уровень развития. Данная составляющая образа лишена в одах Ломоносова всякой конкретизации (в отличие от жанра надписи или посланий), но ее явная связь с другими мотивами говорит читателю, что она занимает в поэтическом наследии Ломоносова далеко не последнее место.

Достаточно частотны в одах Ломоносова мотивы вечной жизни Петра и изображения императора как посланника неба и вершителя божественной воли, сопряженные с мотивами бессмертия Петра, его вечной жизни, вовлекающие

в текст пространственную образность «космического» масштаба и обуславливающие отсутствие установки на портретирование: Петр I в одах Ломоносова статуарен, лишен всякой определенности физического облика. Не являясь центральными, данные мотивы играют большую роль в создании образа Петра. Другие мотивы (например, мотив воинских подвигов Петра I, мотив покровительства наукам) встречаются в торжественных одах реже, но также относятся к числу формирующих образ Петра I как просвещенного монарха.

Явившийся на землю для прославления Творца, Петр в одах Ломоносова оценивается поэтом с точки зрения соответствия умозрительному идеалу просвещенного монарха. Личность Петра как реформатора является в них не только предметом поклонения, но и эталоном истинной государственной мудрости и подлинной заботы об интересах русского народа.

Список литературы / References

- Александрова И.Б. Поэтическая речь XVIII века. М.: Флинта: Наука, 2005. 368 с.
(Alexandrova I.B. Poetic speech of the XVIII century, Moscow, 2005, 368 p. — In Russ.)
- Батюшков К.Н. Речь о влиянии легкой поэзии на язык // Батюшков К.Н. Сочинения. Т. 1: Опыты в стихах и прозе. М: Худож. лит., 1989. С. 31—39.
(Batushkov K.N. Speech on the influence of light poetry on language, Batushkov K.N. Essays, vol. 1: Experiments in verse and prose, Moscow, 1989, pp. 31—39. — In Russ.)
- Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 574 с.
(Belinsky V.G. Complete works in 13 vols, vol. 1, Moscow, 1953, 574 p. — In Russ.)
- Западов А.В. М.В. Ломоносов и журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961а. 100 с.
(Zapadov A.V. M.V. Lomonosov and journalism, Moscow, 1961a, 100 p. — In Russ.)
- Западов А.В. Отец русской поэзии. М.: Сов. писатель, 1961b. 284 с.
(Zapadov A.V. The father of Russian poetry, Moscow, 1961b, 284 p. — In Russ.)
- Крыстева Д.Н. Тема Петра I в творчестве А.С. Пушкина: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 228 с.
(Krysteva D.N. The theme of Peter I in the works of A.S. Pushkin: Diss. ... candidate of Philology, Leningrad, 1984, 228 p. — In Russ.)
- Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1986. 578 с.
(Lomonosov M.V. Selected works, Leningrad, 1986, 578 p. — In Russ.)
- Мезин С.А. Петр I в русской литературе и общественной мысли XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1984. 279 с.
(Mezin S.A. Peter I in Russian Literature and Social Thought of the XVIII century: Diss. ... candidate of Historical Sciences, Saratov, 1984, 279 p. — In Russ.)
- Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во Рус. Христ. гуманитар. ин-та, 2003. 1023 с.
(Peter the Great: pro et contra: The personality and deeds of Peter I in the assessment of Russian thinkers and researchers: Anthology, St. Petersburg, 2003, 1023 p. — In Russ.)
- Пумпянский Л.В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л.: Наука, 1983. С. 3—44.

(Pumpyansky L.V. Lomonosov and the German school of reason, XVIII century. *Collection 14: Russian literature XVIII — early XIX century in the socio-cultural context*, Leningrad, 1983, pp. 3—44. — In Russ.)

Стенник Ю.В. Петр I в русской литературе XVIII века // Петр I в русской литературе XVIII века (Тексты и комментарии) / вступ. ст. и коммент. Ю.В. Стенника. СПб.: Наука, 2006. С. 3—50.

(Stennik Y.V. Peter I in the Russian literature of the XVIII century, *Peter I in the Russian literature of the XVIII century (Texts and comments)*, St. Petersburg, 2006, pp. 3—50.

Щеблыкин И.П. М.В. Ломоносов (Очерк жизни и поэтического творчества). М.: Просвещение, 1969. 104 с.

(Shcheblykin I.P. M.V. Lomonosov (An essay on life and poetic creativity), Moscow: 1969, 104 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.04.2022; одобрена после рецензирования 06.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 20.04.2022; approved after reviewing 06.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Юрчук Любовь Алексеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного Псковского государственного университета, Псков, Россия, lk2185@rambler.ru

Yurchuk Lubov Alekseevna — Doctor of Science (Philology), Professor at Department of Philology, Communications and Russian as a Foreign Language, Pskov State University, Pskov, Russian Federation, lk2185@rambler.ru